

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРА

К вопросу о датировании олонхо

УДК398.22+398.224(=512.157)

<http://doi.org/10.33384/26587270.2020.04.02.03r>

Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Poarch E., Неустроева Т.С., Слепцова А.И.

Аннотация. Период появления олонхо интересует умы исследователей еще со времен П.А. Ойунского. Впервые в 1927 г. он предположил, что олонхо мог появиться в виде отдельных повествований о войнах в период татарского и монгольского нашествия на Китай. В настоящем исследовании нами сделана попытка выяснения приблизительного времени появления олонхо на основе междисциплинарного подхода.

Целью исследования является определение элементов архаического, древнего и средневековых элементов олонхо и определения приблизительного периода их появления в различных сюжетах олонхо. Нами проведен обзор доступной литературы по якутскому эпосоведению, популяционной генетике, истории и этногенезу саха. При датировании времени появления олонхо нами использован метод, предложенный П.А. Ойунским. Картина современного представления об этногенезе саха составлена на основе анализа новейших исторических, археологических, генетических, гуманитарных данных, также собственных исследований по данному вопросу.

Героический эпос олонхо является архаическим жанром устного народного творчества, в своем составе, содержащем элементы архаического, древнего и средневекового периодов, вовлеченные в тексты олонхо в разные эпохи. Следует отметить, что при этом олонхо как устный жанр эволюционировал от мифов о сотворении мира к целостному произведению в виде героического эпоса, сложение которого завершилось на территории Средней Лены с формированием Кулун-Атахской культуры. За последние 35 000 лет на территории Северо-Восточной Сибири сменилось несколько волн масштабных миграций древнего населения, но женское население региона оставалось постоянным. Как мы полагаем, именно оно сохранило и внесло в олонхо самые архаические мотивы, как наиболее консервативный и традиционный элемент народонаселения. Общие вступительные зачины героических эпосов тюркско-монгольских народов о сотворении мира, вероятно были включены в тексты олонхо во время расцвета сюнской (хуннской) общности. Начиная с XII в. наблюдается усиление монгольского влияния, что видно из наличия монголизмов в якутском языке и появление антропонимов бурят-монгольского происхождения XI-XVII вв.

Ключевые слова: Олонхо, саха, сюнну, степные империи, сотворение мира, мировое дерево, пантеон божеств, этногенез, популяционная генетика, митохондриальная ДНК, Y-хромосома.

Для цитирования: Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Poarch E., Неустроева Т.С., Слепцова А.И. К вопросу о датировании олонхо // Сибирские исследования. 2020. 4(4). С. 24–34.

<http://doi.org/10.33384/26587270.2020.04.02.03r>

Поступила 7 сентября 2020 г., принята к публикации 13 декабря 2020 г., опубликована 15 декабря 2020 г.

Олонхо является наиболее архаическим и сложным произведением эпического наследия, отражающее весь комплекс философских, религиозных, мировоззренческих, исторических взглядов народа саха. Период его появления будоражит умы исследователей еще с времен П.А. Ойунского. Он впервые в 1927 г. предположил, что олонхо мог появиться в виде отдельных повествований о войнах в период татарского и монгольского нашествия на Китай [1]. Современные представления об этногенезе саха позволяют подтвердить эту основную мысль П.А. Ойунского, но не в период татарского и монгольского нашествия на Китай, а намного раньше и вероятно связаны с временем возвышения и падения сюнну. Мы в настоящем исследовании попытались обосновать эту точку зрения и свои взгляды на основе анализа современных публикаций, ни в коем случае не оспаривая другие мнения исследователей разного периода по этой проблеме: Г.У. Эргиса [2], И.В. Пухова [3], В.М. Никифорова [4] и В.Н. Иванова [5, 6].

“Олонхо – якутский героический эпос. Описательная часть исполняется речитативом, а монологи героев олонхо поются” – так дается определение олонхо в Большом толковом словаре якутского языка (далее БТСЯ) (БТСЯ, т. VII. 2010) [7]. Построение строф олонхо имеет характер белого стиха. Размер строк безразмерный, общий, его размер иногда доходит от 20 до 50, в среднем 10-15 тысяч строк. Стихи олонхо прекрасно рифмуются, обычно по последнему слову строфы. Монологи положительных героев поются и обычно они начинаются с зачином “Дьэ Буо!” Эпосоведы, в том числе и музыковеды, считают инициальные зачины праформулой, выполняющей роль инициатора мелодии песен положительных персонажей. Зачины также служат своеобразной голосовой настройкой сказителя и одновременно призывом для слушателей к вниманию. Второй компонент традиционного зачина “Бу” – по-якутски означает слово «этот». Само слово “Дьэ”, согласно БТСЯ имеет три значения, но наиболее подходящим к зачину олонхо “Дьэ Буо!” считается следующий вариант: “Выражает вопрос с побуждением к более подробному рассказу” (Ну?) (БТСЯ т. III: 507). Выходит, в переводе зачин олонхо “Дьэ Буо!” означает “Ну, вот!” Именно такой перевод

мы видим и в олонхо “Нюргун Боотур Стремительный” в переводе на русский язык В.В. Державиным (с. 243)¹. Обычно из числа слушателей хозяин дома одобряет олонхосута возгласом: “Но” (знак одобрения). Следует отметить, что зачин – “Дьэ-буо”, или “Дьэ боо” обычно предвещает монологи мужчин положительных героев. Вероятно, этот зачин был внедрен с целью предрасположить публику к положительному герою с почтительным обращением².

В олонхо существует и другое архаическое слово “куо”³ значение которого забыто. Обычно с таким словом обозначаются имена эпических невест, красавиц. Например, Туйаарыма Куо, Сыралыма Куо, Куннэй Куо и т.д. Исследователь олонхо Н.И. Филиппова считает, что это слово возможно имеет отдаленную связь с древним китайским титулом хуа «священный цветок, лотос», которым именовали императрицу или принцессу [8]. Китайский иероглиф 花 – (хуа) означает цветок (БКРС 1983 т. IV: 297). По Н.Я. Бичурину “хуа” – титул царевны, например, такой титул носили невесты, отданные в жены вождям окружающих Китай племен с целью установления мира [9]. Еще одним загадочным словом “луо” обозначается змееподобный зверь, возможно, дракон. Последний обозначается китайским иероглифом 龍 (long, в русской транскрипции – лун), дракон (БКРС т. 4: 363), весьма похоже по звучанию на загадочного зверя “луо” из олонхо⁴.

Глубокий знаток якутского олонхо П.А. Ойунский отметил обилие в олонхо элементов китайского происхождения. Это он объясняет особенностями происхождения якутов. По представлениям П.А. Ойунского, древние якуты мигрировали от своей прародины около Аральского моря через Китай и Байкал к Средней Лене. Он пишет: “Очевидно, древние якуты начальный период патриархата и всю эпоху матриархата пережили на северо-востоке Аральского моря. Поэтому в первые годы героической эпохи народное творчество вполне могло взять в “олонхо” название Аральского моря и перенести его в эпос героического времени на среднем мире” [1].

По сравнению с 1927 г. П.А. Ойунского современные представления о происхождении саха сильно изменились. В 1970-х гг. была открыта проф. А.И.

¹ Дьэ буо! – скорее всего представляет собой обращение к слушателям чем восклицание «Ну вот!»

² Однако имеется предположение, что данный компонент зачина имеет иное происхождение. Возможно, зачин олонхо “Дьэ буо!” является китаизмом 昭伯 (zhāo bó), т.е. обращение к старшему из мужчин слушателей.

³ Эпосовед И.В. Пухов считал, что слово “куо” происходит от слова “ко” (красавица) тюркского происхождения [3].

Гоголевым Кулун-атахская культура скотоводов на территории Мегино-Кангаласского улуса около пос. Матта. Культура датируется периодом XIV – XVII вв. [10]. Автором убедительно показано, что формирование культуры народа саха произошло на территории Средней Лены и не была привнесена извне. Проф. А.Н. Алексеев считает, что формирование народа саха произошло с участием автохтонного населения края [11]. Известный археолог С.А. Федосеева, посвятившая свою жизнь археологии Северо-Восточной Сибири, писала: "... корни якутского этноса (его генофонд) уходят значительно глубже в историю народов Северо-Восточной Азии, чем это представлялось многим раньше. Это подтверждается и новейшими археологическими открытиями. Палеоантропологические материалы Дириг – Юрэхского поздненеолитического могильника, оставленного населением Ымыяхтахской культуры, свидетельствуют, что основной генофонд популяции якутов был уже сформирован в Северо-Восточной Азии по крайней мере 3500 лет тому назад" [12]. Публикации последнего времени позволяют отметить, что аборигенный пласт генофонда саха представлены представителями первых волн мигрантов древних сибиряков и самые древние гены сохранились в генофонде женского населения.

Недавно опубликованы два значимых научных исследования, проясняющих заселение палеолитическими и неолитическими охотниками Северо-Восточной Сибири и гипотетической Берингии. Установлено, что, начиная с голоцена на территории Северо-Восточной Сибири сохранялась непрерывность проживающего в этих местностях женского населения [13]. Группа авторов во главе М. Sikora и В.В. Питулько [14] в результате анализа данных полногеномного секвенирования 34 костных останков древних сибирских популяций установила, что Северо-Восточная Сибирь была заселена тремя волнами миграций. Первую волну мигрантов авторы назвали древними сибиряками, представленными древним образцом с Янской стоянки возрастом 31000 лет. Митохондриальная гаплогруппа образца была представлена U2, а Y-хромосома P1, т.е. западно-евразийскими гаплогруппами. Согласно выводам авторов, эта популяция древних сибиряков вымерла и была ассимилирована второй волной

мигрантов родом из Восточной Азии 20-18 тысяч лет назад, которых авторы назвали палеосибирцами. Последняя популяция стала родословной палеосибирских популяций и американских индейцев, которые частично были заменены в начале и в середине голоцена неосибирской популяцией смешанного происхождения.

Предположения П.А. Ойунского о связи саха с территорией северо-востока Аральского моря, вероятно, кроме фольклорного материала имеют какие-то отдаленные генетические корни. Так, в 1991 г. была проведена раскопка могильника Ак-Алаха 1 из Алтая археологом Н.В. Полосьмак [15]. В могильнике было обнаружено двойное погребение Пазырыкской культуры III в. до н.э. В 2015 г. были опубликованы результаты палеогенетического исследования костных останков погребений [16]. Нами был проведен сравнительный анализ результатов этих исследований с опубликованными данными со всего мира и выявили широкое распространение родственных гаплотипов Пазырыкцев по всей Евразии, в том числе среди современных саха [17]. Генетические связи саха и саков могут быть заподозрены последними палеогенетическими исследованиями К. Sikora с соавт. Так, жители реки Яна близ пос. Казачье нашли человеческую малоберцовую кость, принадлежащую взрослой мужчине и передали археологу из Санкт-Петербурга В.В. Питулько. Результаты палеогенетических исследований показали, что генетические маркеры Y-хромосомы этой мужчины совпадает с гаплотипом легендарного Элэя. Радиоуглеродный возраст этой кости 1180 г. [14]. Нами было показано, что Элэй может быть выходцем Киданьской империи и прибыл на Среднюю Лену после 1125 г. [18]. Оказывается, жители Казачья, вероятно, нашли кости первого сына Элэя Ламанха Сюрюк. Приклонский еще в XIX в. писал, что Ламанха Сюрюк был первым сыном Элэя и был первым странствующим белым шаманом – проповедником. Согласно легенд он пропал без вести [19]. Благодаря генетическим исследованиям мы можем определить, кто же была матерью этого мужчины, т.е. супругой Элэя. Согласно легендам, супругой Элэя не стала родная дочь Омогоя, а приемная. Так, мтДНК этой женщины D4o2a [14] (Sikora et al. 2019: suppl. data). Родственную гаплогруппу

⁴ И.Н. Новгородов считает, что китаизмы проникли в язык саха через монгольское посредство. Некоторые выводы исследований Новгородова удивительно совпадают с результатами нашего исследования, но мы не согласны с его заключением о том, что "... якуты мигрировали в Центральную Якутию в XIV в. с юга довольно компактной массой" [48].

D4o имеет Уджарская принцесса, раскопанная в Уджарском районе Восточно-Казахстанской области сакского периода IV – III в. до н.э. [20]. Гаплогруппа D4o2a встречается среди современных жителей Якутии и Казахстана [21, 22]. Следует отметить, что родовые кланы с названием, похожим на сак имеются во многих тюркских народах [22]. Точку зрения о связи саха с сакскими племенами Казахстана, а также об общих мотивах фольклора саха и казахов придерживается и известный казахстанский историк, профессор Евразийского университета имени Л.Н. Гумилева, Ж.О. Артыкбаев [23].

Анализ текстов олонхо позволил нам выделить в составе эпического произведения элементы архаического, древнего и средневекового периодов, вовлеченные в тексты произведения в разные эпохи. К архаическим элементам олонхо относятся: преамбула эпического произведения, где описывается сотворение мира. Архаический пласт олонхо мог быть связан с временем контактов людей (в олонхо - айыы аймаҕа) с ранними представителями homo sapiens (неандертальцы и денисовцы). Образ последних в олонхо представлен как «абааһы» [24]. Встреча с этими людьми – самый потрясающий эпизод в исторической памяти далеких предков обитателей Средней Лены и образы которых не смогли стереть 40000 долгих лет. Глубокие следы этого стресса позволяли носителя олонхо всех своих врагов причислять в род абааһы. Носителями архаических элементов олонхо, несомненно, являются древние роды, влившиеся в ряды саха в виде невест, корни которых тянутся к первым обитателям реки Яна, обнаруженные археологом Питулько с возрастом 31000 лет [14].

Таким же архаическим является образ Мирowego дерева - Аал Луук Мас и варианты его наименования. Он появился в мифологии разных народов в глубокой древности. По мнению ряда исследователей, мотив мирowego дерева существовал еще в верхнем палеолите. Первые упоминание о священном дереве (дерево “hulurpu”) имеется в самой древней шумерской поэме – Гильгамеш (конец второго тысячелетия до н.э.). Один из самых древних бронзовых скульптур дерева, соответствующий всем мировым канонам мифологического мирowego дерева, был найден в 1980 году археологами в местности

Саньсиндуй в 40 км к северу от Чэнду (Китай), возраст которого определен 1200 г. до н.э.. Были найдены бронзовые скульптуры двух деревьев высотой до 4-х метров [25]. Знали ли об этом сюнну, по Гумилеву они появились в китайской истории в 1764 г. до н.э.? [26].

Мотив мирowego дерева в мифологии распространен в мифах народов северной Евразии, ряда стран Юго-Восточной Азии, Филиппин, Малайзии, Афганистана, Ирана и Америки [27]. Якутский Аал Луук Мас несомненно имеет все атрибуты мотива Мирowego дерева. В монографии “Из Старого в Новый Свет: Мифы народов мира” Ю.Е. Березкин изменил свою точку зрения о независимом происхождении мифа о мировом дереве у некоторых народов американского континента. В новой работе он допустил вероятность “... исторической взаимосвязи всех евразийских (а может быть, и центрально и южноамериканских) вариантов ...образа (мирowego дерева)” [27]. Таким образом, миф о мировом дереве среди обитателей Северо-Восточной Сибири может быть уже существовал примерно 20-18 тысяч лет до н.э., в период формирования Берингийской популяции. Часть этой популяции впоследствии проникла в американский континент по Берингийскому сухопутному пути и увезла с собой мотив мирowego дерева. Следует отметить, что мотив мирowego дерева отсутствует в мифологии чукчей, эскимосов, айнов и японцев [27]. По современным представлениям, чукчи, коряки и эскимосы проникли на северо-восточную Сибирь позже, в начале или середине голоцена – эти мигранты обозначены в научной литературе неосибирской популяцией [14].

Древнейший пласт эпоса олонхо – миф о сотворении мира почти совпадает с эпосами тюркских народов Евразии [3]. Следует отметить, что сходство зачинов эпосов тюркских народов, вероятно также связаны с периодом скифской общности. Так, на основе исследования истоков лировидного мотива в народно-прикладном искусстве мы пришли к выводу, что: “Популярность лировидного мотива в народном декоративно-прикладном искусстве тюркских народов, вероятно, объясняется распространением этого мотива в период скифской общности, когда существовал культ грифона и форми-

⁵ Полемизируя с В.Н. Топоровым Ю.Е. Березкин (2009) пишет: «...мировым древом мы станем называть не любые объекты в воображаемом центре мира и не любое упоминаемое в мифах дерево, а вертикальную ось, которая связывает несколько ярусов мироздания и при этом мыслится твердой. ... Существенно, что древо проходит сквозь ярусы, служит их стержнем, а не просто касается небосвода» [27].

ровался лировидный мотив за счет геометризации его фигур в народном искусстве” [28].

Древним является пантеон божеств олонхо, который в какой-то степени имеет сходство с богами античной Греции. Например, Зевс в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, ведающий всем миром, то в якутском олонхо Сүн Дьааһын Тойон ведает также громом и молнией. В этой связи считаем уместным привести цитату из В. Серошевского: “Роль злых и добрых духов и богов... в якутском олонхо совсем особая, такая же почти, как роль греческих богов в Илиаде. Они интересуются делами своих любимцев, помогают им советами, дарят оружие, коня, лечат их раны, возвращают им жизнь, но ничего существенного изменить в их судьбе не могут” [29]. Носителями этого пласта олонхо, вероятно являются роды, связанные с внедрением металлургии железа в Якутии и создали непобедимый культ кузнеца в олонхо.

Следует отметить, что эпос, видимо, эволюционировал от мифов и легенд о сотворении мира к цельному героическому эпосу олонхо, окончательное жанровое формирование которого завершилось с формированием народа саха на территории Средней Лены. По мнению Л.Д. Нестеровой: “В результате “длительнейшей художественной эволюции” якутский народный эпос олонхо синтезировало и разрабатывало в общем эпическом стиле все жанровое многообразие, образное богатство якутского фольклора и замечательную красоту народного языка. Якутский эпос трансформировал, адаптировал произведения других жанров фольклора, подчиняет этих поглощенных произведений своей идейно-художественной специфике” [30]. Героический эпос олонхо своего рода летопись жизни носителя этого древнего сказания и сыграл в становлении, консолидации и самоидентификации народа саха генерирующую роль.

Обилие в олонхо китаизмов, о котором говорил выдающийся знаток языка олонхо П.А. Ойунский, вероятно, имеет более древние корни, как полагает автор, но некоторые связаны более современными событиями. Он выводит имена героев племен Нижнего мира от китайского. Так, он пишет, что “Кытай Бахсылааны Уус” от китайского имени “Бах-Сун-Иен”, а глава Нижнего мира “Арсан Дуолай” от ки-

тайских имен “Аар Сун” и “Дао-лин”, а жена его госпожа “Аан Дьааһын, Ала Буурай” – Ан-Джа-Ун [1]. В олонхо жена главы Нижнего мира Арсан Дуолай описывается как родившаяся с колодкой на ногах. В олонхо, вероятно, имеется в виду обычай бинтовать ноги красавиц при дворе императора Китая. Стопа принцесс бинтуется с малых лет, в результате чего она становится маленькой и похожей на цветок лотоса. Женщины с такими ногами не могут ходить далеко из-за сильных болей. Якутские коневоды по сей день, перед тем как коня отпустить на кормежку, надевают на его ноги адаба (колодки), чтоб далеко не ушел. В олонхо используется метафора, когда говорят о жене Арсан Дуолая, “родившейся с колодкой на ногах”. В Китае мода бинтования ног начала распространяться, начиная вероятно с 1100 г. [31] и была искоренена лишь в XX в.⁶ Следует считать, что заключения П.А. Ойунского были основаны не на личных эмоциях, а на глубоком знании духа олонхо, его философии, его языка и его древних корней. Но Китай обитателям Средней Лены никогда не был врагом, потому что они находились слишком далеко. Кто мог в олонхо атрибутами древнего Китая наделить врагов обитателей Среднего мира? Единственный народ, который воевал с Китаем сотни лет – это сюнну, потомки которых судя по данным генетических исследований нашли убежище в Якутии и с высокой долей вероятности сохранились среди популяций современных саха.

Язык олонхо содержит очень много архаической лексики. Возникает вопрос, когда проник древний тюркский язык на территорию Якутии? Ведь в легендах об Элэе и Омогое говорится о том, что они чужестранцы и не говорили на языке саха. Так, согласно легенде, записанной Г.В. Ксенофоновым, когда люди Омогоя нашли Элэя⁷ на берегу реки Лена он говорил только два слова: “Бэлэнтэй” и “Бахай” [32]. Что за слово “бэлэнтэй”? На монгольском языке слово “бэлэнтэй” в современном понимании означает “распродажу”. “Бэлэн” (на якутском бэлэм) идентичен с монгольским - готовый, приготовленный; наготове; наличный (деньги) (БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь т. 1: 458). На тунгусо-маньчжурских языках слово «бэлэ» означает: на маньчжурском – крупа, в т.ч. рис (ПМРС – Полный маньчжурско-русский сло-

⁶ Обычай бинтования ног китайских женщин мог быть услышан олонхосутами не ранее 12 в. н.э., т.е. этот обычай стал известен вероятно, благодаря развитию торговли с Китаем. По данным археологических исследований китайский шелк обнаружен в могилах на территории Якутии раньше, чем была начата официальная торговля с Китаем по мирному договору, подписанном в Нерчинске 1689 г.

варь 1875: 491), который на эвенском, негидальском, улчском и орокском языках превратился: помочь, помощь, помогать [ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, т.1 1975: 124]. Словом, “Бахай” Элэй, вероятно, имел в виду государство Бохай – существовавшее на территории Маньчжурии, современного Приморья и Северной Кореи, завоеванной Киданьской империей в 926 г. Об Омоего известно, что он родом из бурят, хотя об его происхождении существуют множество различных легенд [32]. Исследователь этногенеза саха историк В.В. Ушницкий пишет: “Другая линия предков саха, ведет к Омоего, в его лице мы видим не только монгольский субстрат, но и более древний – принадлежащий к общему субстрату бурят и саха – батулинцев, связывая их с народом вадул-оудул” [33].

Означает ли это, что тюркский язык на территории Якутии проник намного раньше XII в., если клан Омоего представляет собой не тюркский субстрат этноса саха? Нам известно, что в составе родов саха числятся родственные гаплотипы из скифской и сюнской общности. Вероятно, с ними на территории Якутии в начале века проникла технология металлургии железа. На каком языке они говорили? Неизвестно. В связи с этим следует отметить, о совпадении гаплотипов Y-хромосомы и мтДНК Пазырыкского погребения III в до н.э. с данными современных саха и тюркоязычных народов со всей Евразии [17]. Но следует отметить, что о времени проникновения архаического языка олонхо на территорию Якутии сказать сложно. Ученые вплоть до настоящего времени спорят о том, на каком языке говорили скифы и сюнну. Недавно, в журнале «InnerAsia» Кембриджского университета была опубликована статья сотрудников университета Торонто J.-Yu. Lee и Sh. Kuang о том, что: “Согласно некоторым отрывочным сведениям о языке хунну, которые можно найти в китайских историях, хунну были тюрками, а не монголами”, а тюрки имели сюнские корни [34].

Следует отметить, что древняя неизвестная архаическая лексика⁸ языка олонхо могла проникнуть

на Среднюю Лену вместе с воином из Покровска, кости которого были случайно найдены на песчаном карьере близ г. Покровска, возраст, которого по данным S. Amoy и др. 390-190 лет до н.э. [35]⁹. МтДНК Покровского воина совпадает с данными мтДНК женщины из некрополя сюнну в местности Эгийн Гол (Монголия) могилы № 45, жившей в II – III в. н.э. [35]. В настоящее время, согласно базы данных популяций мтДНК EDNAP (EMPOP) Института судебной медицины Медицинского университета Инсбрука, родственные митотипы этих двух древних образцов представлены в основном современным населением Евразии. Так, из 12 родственных современных митотипов: 6 из Узбекистана, 3 из Якутии, 1 из Пакистана и 2 из Южной Кореи [36]. Таким образом родственные митотипы мтДНК материнской линии Покровского воина сохранились в генофонде современной популяции саха, но кроме того, потомки этого воина по мужской линии вероятно дожили до настоящего времени. Так, французские исследователи сумели извлечь пять локусов коротких tandemных повторов Y-хромосомы из его ДНК [35]. Совпадающие с этими локусами STR (Short tandem repeat – короткие tandemные повторы) отмечены у одного саха, проживающего в настоящее время в г. Якутске [37]. Окончательно выяснить этот вопрос можно только при проведении полногеномного секвенирования генома останков Покровского воина .

Таким образом, некоторый пласт олонхо мог проникнуть на Среднюю Лену довольно рано, вероятно, с первыми представителями сюнну, об этом пишут и В.Н. Иванов с соавт. [6]. Такая точка зрения может быть обоснована следующими аргументами:

1. Шаньюй – титул императора сюнну. По китайской транскрипции 單于 (chán yú) шаньюй = [ш] аньийи = аньыы = айыы. В словаре якутского языка Э.К. Пекарского (СЯЯП) этимология слова «айыы» указана от: “ср. алт. Jaju, тюрк. Ајы – творение, создание, творчество, творческое начало ...”, но в Древнетюркском словаре ајі означает – очень, сильно; а слово ай – луна (СЯЯП т. 1 1959: 47). В.С. Таскин считает, что слово «шаньюй» имеет тюркское

⁷ В 1998 г. в Хангаласском улусе был найден клад из 147 китайских монет периода правления Сунской династии. Год выпуска монет 997 – 1125 гг. [49]. Интересным является тот факт, что коллекция монет обрывается датой 1125 г., т.е. с датой падения киданьской империи Ляо. Клад мог принадлежать самому Элэю, потому что после падения империи в 1125 г. он не мог добавить в свою копилку китайские монеты. Согласно легенды, люди Омоего нашли Элэя около озера Бэлэнтэй (названный в его честь) в долине Энсиэли, недалеко от того места, где нашли деньги. Элэй считается беженцем из Киданьской империи в период его падения [18].

⁸ Известно, что около 10% лексики языка саха неизвестного происхождения, не встречающаяся ни в одном языке мира.

⁹ В 209 г. до н.э. Модэ захватил престол шаньюй и начинается история империи хунну (сюнну). Возраст Покровского воина совпадает с датами возвышения сюннов в азиатской степи.

происхождение от слов «сан» и «юй» и означает “уважаемый или почитаемый дом” [38]. Мы допускаем, что своим происхождением якутское слово «айыы» обязано, вероятно, сюнну. А прообразом Үрүн Айыы Тойона (Белый Айыы Господина) в олонхо может быть Верховный Правитель сюнну – Шаньюй. По сведениям В.С. Таскина, титул Шаньюй стал известен китайским летописцам не позднее периода воюющих царств, но точно известно, что первый император сюнну Модэ (по другим источникам Маодунь)¹⁰ вступил в престол в 209 г. до н.э.

2. В олонхо П.А. Ойунского “Ньургун Боотур Стремительный” есть такие строки:

“На груди праматери Кыладыкы,
Где блещет красный камень–сата,
Где пронзительно воеет, кружась над землей,
Дух кровопролитья **илбис...**”

Обычай “Призывания духа Илбис” подробно описан в собраниях легенд Г. Ксенофонтова “Эл-лэйада” [32]. Что удивительно, этот обряд очень похож на обряд жертвоприношения, описанный у сюнну. Л.Н. Гумилев историческую связь этих обрядов считает неправдоподобной [26], но генетическая история популяции саха допускает, что обряд может быть заимствован от сюнну. Этимология слова связывается с тюркским словом иблис - дьявол (БТСЯ т.3 2006: 611). Но в “Сравнительном словаре тюркских наречий” В.В. Радлова (ССТН) слово “илбис” на тобольском наречии татарского языка означает слово «тигр» (ССТН т. 1: 1497). Илбис – бог войны или дух войны для сюнну не может быть дьяволом, скорее тигром. Согласно нашим исследованиям олонхо описывается древняя традиция обучения мальчиков воинскому искусству с малых лет до возмужания [39].

3. Часто в олонхо упоминается о племени «Ордуос». В олонхо А.С. Амбросьева -Омуруоска “О5о Тулаайах Бухатыр”¹¹ есть такие строки:

“**Ордуос** биистэрэ
Уоран, саһан кэлэн
Уоппун умуруорбатыннар,

Ордуубун үрэйбэтиннэр диэн,
Отут арсыын халыһнаах
Охсуу таас муосталаах эбит...”

“Чтоб племена Ордос,
Под покровом ночи крадьясь,
Очаг мой не погасили,
Дом неразорили,
Пол покрыт обтесанным камнем
В тридцать аршин толщиной” [пер. авторов].

В “Большом толковом словаре якутского языка “прилагательному “ордуос” дается такое толкование: “обидчивый; несдержанный, вспыльчивый, грубый” (БТСЯ т. 7 2010: 325). Этимология слова выводится из монгольского “уур” - гнев, ярость, злоба (там же). Но следует отметить, что Ордос - это плато, простирающееся на северной части Китая, где обитали множество воинственных кочевых племен. В китайских летописях сюнну описаны как воинственное племя с крутым характером. Ордос считается родиной сюнну, но их оттуда в 215 г. до н.э. вытеснил на север Циньский военачальник Мэн Тянь. На границе с сюнну была построена Великая китайская стена и она стала официально признанной Шаньюем границей между Китаем и владениями сюнну [40]. Исследование мтДНК девяти скелетов, раскопанных в кладбище Жукайгоу восточнее плато Ордос периода воюющих царств (475 BC – 221 BC) [41] показали, что гаплотип ГВС1 мтДНК 16223Т-16362С совпал с данными образцов мтДНК из Таттинского и 2-х из Чурапчинского улусов [42], а гаплотип 16223Т-16290Т-16319А-16362С с образцами долгана и эвенка [43]. Из этого следует, что потомки древних женщин из Ордоса какими-то путями добрались до Средней Лены и, видимо, оставили топоним “Ордос” в народной памяти.

Формирование определенной части сюжета олонхо, по всей видимости, произошла под влиянием сюнну. Этот период охватывает период от 190 лет до н.э. (появление на Средней Лене вероятного представителя сюнну – Покровского воина) до III-IV в. н.э. (стоянка Сэгэлэннэх, где обнаружена китайская монета, признанная среди археологов индикатором хуннского влияния в Сибири) [11]. Казахстанский профессор истории Ж.О. Артыкба-

¹⁰ Модэ и Маодунь вполне объяснимы на языке саха как Модун (могучий), а отец его Тоумен (Томен) – түмэн, үтүмэн. На тюркском это слово означает - 10000, а в якутском, как неисчислимое количество. В олонхо вероятно Маодунь упоминается под именем Одун хаан.

ев связывает время появления схожих по сюжетам легенд казахов и саха сакским периодом и периодом великого переселения народов в сюнское (хуннское) время (71 г. до н.э – 56 г. до н.э.) [23].

Согласно легенд собранных С. Боло до саха на средней Лене жили племена кыргыс [44]. Вероятно они оставили на Лене самые северные рунические письмена [45]. Мотивы олонхо, связанные с бытом, несомненно, были введены в средневековье. Такими являются богатырские кони, железные орудия богатырей (кылыс, батыга – пальма, лук), описание брака, одежда, пища и др. [1]. Следует отметить, что в олонхо не упоминается титул тюркских правителей – каган, но используется монгольский титул – хаан. (Одун хаан, Чыныс хаан, Дьылха хаан и др.). Исследователь олонхо Н.И. Филиппова (2000) нашла, что в олонхо сохранились в антропонимах рудименты титулов государственных образований тюрков и монголов: дархан, бэки, бахсы, тутук, эркин, богдо [8]. Эпосовед В.М. Никифоров высказал свою версию титулатуры персонажей олонхо по семи условным этапам их формирования. Он исследуя эпическую систему образов якутского олонхо, дает классификацию условных семи этапов ее формирования: туранский, хунно-китайский, телеуйгурский, древнетюркский, кыргызский, монгольский, урянхайский периоды, при этом исследователь подчеркивает, что “... это не значит, что они идут друг за другом в строгой последовательности, но могут накладываться и быть на некоторых своих отрезках синхронными” [46]. Основным его выводом является, что с накоплением междисциплинарных данных и с публикацией новых сюжетов идет тенденция удревления эпохи создания якутского олонхо, с чем мы полностью согласны.

Самое распространенное и устойчиво используемое в олонхо титулом является дархан. На тюркском тархан – привилегированное сословие знати тюркских государственных образований. Начал применяться в период тюркских каганатов (550-745 гг.)¹². В олонхо используется не тархан в тюркской транскрипции, а в монгольской – дархан. Мы обратили внимание, что среди устойчивых антропонимов олонхо существуют три эпических персонажей, удивительно совпадающие с именами исторических личностей это – Чыныс хаан, Сээркээн Сэһэн, Адьярай. Чыныс хаан ассоциируется несомненно с

Чингисханом [1]. Сээркээн Сэһэн напоминает имя монгольского летописца и Ордоского князя Саган Сэцэнэ, написавшего 1662 г. самую обширную летопись средневековой Монголии “Эрденийин тобчи” (БСЭ т. 37 1955: 578), а Адьярай вероятно образ Бурятского богатыря Ажарая, племенной вождь Эхиритского рода бурят Верхней Лены [47].

Анализируя эти данные, можно сделать следующее заключение, что начиная с XII в. усилилось на территории Якутии монгольское влияние вплоть до появления служилых людей Российской империи в эти края. Связи с бурят-монгольскими племенами усилились после открытия торговли с Китаем [18]. Хоринские роды появились в Олекминском, Хангаласском, Верхне-Вилуйском, Сунтарском улусах, пригороде города Якутска (Хатассы), Усть-Алданском улусе и в Чурапче, повторяя конфигурацию пути торговли китайскими товарами в Якутии (чай, табак). Эти товары шли в Якутию через Монголию и пограничные пункты Кяхта и Нерчинск. Усиление влияния монгольской культуры в инвентаре захоронений саха в XVIII в. отметила саха-французская археологическая экспедиция. Бурят-монгольское влияние отразилось во всей жизни населения Якутии, в том числе и в олонхо.

Окончательное формирование жанра олонхо в его сегодняшнем виде несомненно произошло на территории современной Якутии. Следует отметить, что XII в. является началом формирования Кулун-Атахского этапа культуры саха (заменившая Ымьяхтахский этап), который начался с прибытием на Среднюю Лену легендарного Эллэя. В течение двух веков XII-XIV вв. происходили сложные процессы консолидации, трансформации культуры, мировоззрения народа и его философии которые завершились формированием Кулун-Атахской культуры к XIII-XIV в. В тексты олонхо были инкорпорированы элементы, привнесенные из различных культур, исчисляемых от древних до поздних (автохтонных, скифских, хуннских, тюркских, монгольских, китайских и среднеазиатских) и не в результате культурной диффузии, как результата проживания по соседству в продолжительное время, а в результате демической диффузии. Следует отметить, что территория Средней Лены в период возвышения степных империй был «тихой гаванью», куда устремлялись поверженные и пре-

¹¹ Амбросьев-Омуруоска А.С. О50 Тулаайах Бухатыыр. http://olonkho.info/ru/index.php?title=Амбросьев,_Алексей_Петрович_Омуруоска._Олонхо_%22О50_Тулаайах_Бухатыыр%22. Доступ 17.03.2020.

¹² Википедия [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тархан_\(звание\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тархан_(звание)). Доступ 1 апреля 2020

следуемые беглецы в поисках убежища. При этом следует иметь в виду выводы авторитетных исследователей Sikoга и др. о том, что женское население Северо-Восточной Азии было постоянным, начиная с голоцена. Благодаря женскому населению и ее адаптивному преимуществу сохранилось потомство приезжих с юга, в основном мужского населения, а эволюция формирования эпического наследия шла непрерывно, можно сказать даже параллельно, начиная от архаических мифов и легенд до героического эпоса, в тексты которых были инкорпорированы сюжеты различных эпох. Женское население Средней Лены, вероятно еще с времен сюнну, стало аккумулятором культурных новаций беженцев с юга в период возвышения и падения степных империй.

Архаический сюжет олонхо, вероятно, был основан на преданиях автохтонного населения Средней Лены, потомков первых переселенцев – охотников на мамонтов, достигших берегов Ледовитого океана в погоне за мамонтами 35000 лет назад. Недаром в различных жанрах якутского фольклора признаются прародителями народа саха три первопредка: Омо5ой Баай, Эллэй Боотур, Улуу Хоро, именно в этой исторической временной последовательности, все они, будучи пришельцами, чужестранцами на территории современной Якутии, смогли объединить и сформировать на основе автохтонного населения в один народ саха из разноплеменных этнических групп.

Благодарности. Авторы выражают благодарность А.Д. Степанову за консультацию и полезные советы в период подготовки статьи к публикации.

Финансирование. Работа выполнена в рамках выполнения Государственного задания Министерства образования и науки «Широкогеномные исследования генофонда коренного населения арктического побережья Якутии» (FSRG-2020-0016).

Конфликт интересов. Авторы не сообщили о наличии потенциального конфликта интересов.

Вклад авторов. Задумали и спроектировали статью: Тихонов Д.Г., Захарова А.Е. Написали статью: Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Неустроева Т.С., Roarch E. Обсуждена и критически отредактирована рукопись: Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Неустроева Т.С., Roarch E., Слепцова А.И. Перевод на английский язык: Roarch E., Слепцова А. Все авторы прочли и одобрили финальную версию рукописи перед публикацией.

Источники и материалы

БАМРС 2001-2002 – Большой академический монгольско-русский словарь в 4 т. Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001-2002.

БКРС 1983 – Большой китайско-русский словарь в 4 т. / Под ред. Ошанина И.М. М.: Наука, 1983.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Издание второе в 49 т. 1949-1958.

БТСЯ 2010-2018 – Большой толковый словарь якутского языка в 15 т. / Под ред. Слепцова П.А. Новосибирск: Наука. 2004 - 2018.

ПМРС – Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук. 1875.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю в 2 т. / Отв. Ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука. 1975.

ССТН – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий в 4 т. / [Соч.] В.В. Радлова. - СПб: типография Императорской академии наук, 1893.

СЯЯП – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. Издание 2-е. Л.: Издание Академии наук СССР, 1959.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ойунский П.А. Якутская сказка ее сюжет и содержание. 2013-е изд. Якутск: Сайдам, 1927. 96 с.
2. Эргис Г.У. Богатырский эпос якутов – олонхо // Ньургун Боотур Стремительный. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. С. 5–60.
3. Пухов И.В. Олонхо – древний эпос якутов. 2-е-ое изд. изд. Якутск: Сайдам, 2013. 48 с.
4. Никифоров В.М. От архаического олонхо к раннефеодальному эпосу. История фиксаций и специфика интерпретаций. Новосибирск: Наука, 2010. 138 с.
5. Иванов В.Н. Якутский эпос олонхо // Олонхо – уникальное явление в мировой эпической культуре. Якутск: Изд. дом СВФУ, 2014. С. 7–12.
6. Ivanov V.N. и др. On the Issue of Origin of the Yakut Epic Olonkho // J. Hist. Cult. Art Res. 2018. V. 7, № 1. P. 194.
7. БТСЯ. Большой толковый словарь якутского языка в 15 т., т. VII. т. 7 / под ред. Слепцов П.А. Новосибирск: Наука, 2010. 259 с.
8. Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. Ин-т гуманитар. исслед. АН РС(Я), 2000. 24 с.
9. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена . т. 1. Москва - Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. 381 с.
10. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
11. Алексеев А.Н. Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2013. Т. 10, № 5. С. 62–69.
12. Федосеева С.А. Иван Васильевич Константинов – исследователь древних культур и этногенеза народов Якутии // Константинов И. В. «Происхождение якутского народа и его культуры». Якутск, 2003. С. 89.
13. Kilinç G.M. и др. Investigating Holocene human population history in North Asia using ancient mitogenomes // Sci. Rep. 2018. V. 8, № 1. P. 1–10.
14. Sikora M. и др. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. Springer US, 2019. V. 570, № 7760. P. 182–188.
15. Полосьмак Н.В. Всадники Уюка. Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. 336 с.
16. Pilipenko A.P., Trapezov R.O. P.N.V. A Paleogenetic Study of Pazyryk People Buried at Ak-Alakha-1, the Altai Mountains // . – 2015. – 43 (4). – Pp. 144–150. // Archaeol. Ethnol. Anthropol. Eurasia. 2015. V. 43, № 4. P. 144–150.
17. Tikhonov D.G. и др. On The Genetic Continuity of the Iron Age Pazyryk Culture: Geographic Distributions of the Paternal and Maternal Lineages from the Ak-Alakha-1 Burial // Int. J. Hum. Genet. 2019. V. 19, № 01. P. 29–48.
18. Тихонов Д.Г., Gurkan C., Beyoglu E. О происхождении отцовских линий популяции саха : сравнительный анализ данных популяционной генетики / древней ДНК , археологических и исторических исследований // Сибирские исследования. 2019. Т. 1, № 01. С. 32–52.
19. Приклонский В.Л. Три года в Якутской области (Этнографические очерки) // Живая старина. 1890. № 2. С. 24–54.
20. Джансугурова Л.Б. и др. Анализ митохондриальной ДНК находки «Урджарская принцесса». Алматы, 2016. 698 – 711 с.
21. Федорова С.А. и др. Анализ линий митохондриальной ДНК в популяции якутов // Молекулярная биология. 2003. Т. 37, № 4. С. 643–653.
22. Ушницкий В.В. Этнонимы саха и якут: историография и этногенетические аспекты // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Т. 4, № 23. С. 94–99.
23. Артыкбаев Ж.О. Общие истоки в истории и культуре казахов и саха // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. Т. 22, № 1. С. 57–63.
24. Тихонов Д.Г., Захарова А.Е., Неустроева Т.С. Содержит ли якутский фольклор сведения о неандертальцах и денисовцах? // Историческая этнология. 2018. Т. 3, № 1. С. 14–28.
25. The Cambridge history of ancient China. From the Origins of Civilization to 221 b.c. / под ред. Loewe M., Shaughnessy E.L. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 1148 p.
26. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. Москва: Изд-во Восточной литературы, 1960. 291 с.
27. Березкин Ю.Е. Из старого в Новый Свет: Мифы народов мира. Москва: АСТ: Астрель, 2009. 448 с.
28. Тихонов Д.Г., Тихонова Е.Д. Лировидный мотив и его истоки // Сибирские исследования. 2019. Т. 2, № 2. С. 51–61.
29. Серошевский В.Л. Якуты. т. 1. Санкт-Петербург, 1896. 719 с.
30. Нестерова Л.Д. Жанровые особенности якутского героического эпоса Олонхо. Якутск: Ин-

ститута языка, литературы и истории СО АН СССР, 1984. 169 с.

31. Morris I. Why the west rules—for now: the patterns of history, and what they reveal about the future. London: Profile Books, 2010. 750 p.

32. Ксенофонтов Г.В. Элэйада. Москва: Издательство «Наука», 1977. 247 с.

33. Ушницкий В.В. Население Байкальского региона в эпоху средневековья (к проблеме этногенеза саха). Якутск: Издат-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. 265 с.

34. Lee J.Y., Kuang S. A comparative analysis of Chinese historical sources and Y-DNA studies with regard to the early and medieval turkic peoples // *Inn. Asia*. 2017. V. 19, № 2. P. 197–239.

35. Amory S. и др. Early influence of the steppe tribes in the peopling of Siberia // *Hum. Biol.* 2006. V. 78, № 5. P. 531–549.

36. Huber N., Parson W., A. D. Next generation database search algorithm for forensic mitogenome analyses // *FSIGenetic*. 2018. V. 37. P. 204–214.

37. Gao T. и др. Phylogenetic analysis and forensic characteristics of 12 populations using 23 Y-STR loci // *Forensic Sci. Int. Genet.* 2015. V. 19. P. 130–133.

38. Таскин В.С. О титулах шаньюй и каган / . М.: На ука . 1986. С. 213– 218. // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцева 1884–1931. Москва: Наука, 1986. С. 213–218.

39. Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо). Новосибирск: Наука, 2004. 312 с.

40. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Изд. 2-е., Москва: Логос, 2001. 311 с.

41. Wang H. jing и др. Mitochondrial DNA analysis of remains from Zhukaigou archaeological site in Inner Mongolia // *J. Jilin Univ. (Medicine Ed.* 2007. V. 33, № 1. P. 5–8.

42. Keyser C. и др. The ancient Yakuts: A population genetic enigma // *Philos. Trans. R. Soc. B Biol. Sci.* 2015. V. 370, № 1660.

43. Федорова С.А. Генетические портреты народов Республики Саха (Якутия): анализ линий митохондриальной ДНК и Y-хромосомы. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. 208 с.

44. Боло С. Легендарные предки якутов и период междоусобиц. На якутско. Якутск: Бичик, 2006. 240 с.

45. Бернштам А.Н. Древнетюркское письмо на р. Лена // *Эпиграфика Востока*. Москва, 1951. Т. 5. 65–75 с.

46. Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо. Формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 207 с.

47. Бадмаев Б.Б. Легендарно-исторические герои в несказочной прозе бурят. Бурятский государственный университет, 2000. 26 с.

48. Новгородов И.Н. К многодисциплинарному исследованию якутского языка // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2013. Т. 6, № 1. С. 60–65.

49. Степанов А.Д. Ритуальный клад сунских монет в Якутии // *Известия лаборатории древних технологий*. 2012. Т. 9, № 1. С. 147–154.

Об авторах

ТИХОНОВ Дмитрий Гаврильевич, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Медицинского института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 677009, Якутск, ул. Строителей 8, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3385-9471>, e-mail: Tikhonov.dmitri@yandex.ru.

ЗАХАРОВА Агафья Еремеевна, кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра Олонхо по научно-методической деятельности и международным связям при АУ «Театр олонхо», <https://orcid.org/0000-0002-8987-0568>. E-mail: solnse18@mail.ru.

POARCH Elisabeth, доцент кафедры «Английской филологии» Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 677009, Якутск, ул. Кулаковского 42, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-2691-8085>. E-mail: elisabeth.poarch@gmail.com.

НЕУСТРОЕВА Татьяна Семеновна, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра Медицинского института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 677009, г. Якутск, ул. Строителей, 8, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-2684-6365>. E-mail: neustroeva1944@mail.ru

СЛЕПЦОВА Ализана Иннокентьевна, ведущий специалист Управление международных связей Института Востока Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, 677009, г. Якутск, ул. Кулаковского 42, Россия. E-mail: ali.slepsova@s-vfu.ru